

ЕГИПЕТ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ

EGYPT AND NEIGHBOURING COUNTRIES

Электронный журнал / Online journal

Выпуск 2, 2021

Issue 2, 2021

Рябцева В. А. Искусство Древнего Востока (Древний Египет): учебное пособие. Кемерово: Кемеровский государственный институт культуры, 2018. 138 с.

Ю. С. Реунов

Научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН
yury.reunov@gmail.com

В 2018 г. в издательстве Кемеровского государственного института культуры вышло учебное пособие «Искусство Древнего Востока (Древний Египет)»¹, предназначенное для студентов, обучающихся по направлению 50.03.04 «Теория и история искусств». Его автором является доцент кафедры культурологии КемГИК, кандидат культурологии Васелина Александровна Рябцева. Отечественная историография по искусству Древнего Египта представлена небольшим количеством трудов, написанных на высоком профессиональном уровне, которые к тому же хорошо известны специалистам, а потому появление новой работы по этой теме заслуживает пристального внимания, анализа и оценки.

Искусство Древнего Египта как самостоятельная дисциплина или спецкурс занимает особое место в программе подготовки историков искусства. Это объясняется тем, что именно в творчестве мастеров из нильской долины впервые был обозначен широкий круг теоретических проблем и практических задач, решение которых представляет необходимую основу для возникновения стиля в искусстве. Композиция, способы пластической моделировки фигур, масштаб, передача глубины пространства (перспективы), статика и динамика образов, их символизм и метафоричность — эти вопросы находились в поле зрения египетских художников уже в додинастическую эпоху. Развиваясь на протяжении более чем трех тысячелетий, египетское искусство обрело способность отражать развитие важнейших социальных феноменов, культурные процессы

¹ Рябцева 2018.

и явления, мировоззренческие концепции и модели, передавать исторические события и мифологические сюжеты. Связь египетского искусства с историей, языком и культурой народа обуславливает высокий уровень требований к знаниям и профессиональным компетенциям исследователя, занимающегося этой темой.

В отечественной египтологии было несколько фигур, создавших пусть и не бесспорные, однако все-таки фундаментальные обобщающие труды по искусству Древнего Египта. Первая — это М. Э. Матье (1899–1966), большую часть жизни отдавшая работе в Государственном Эрмитаже и внесшая значимый вклад в изучение египетской религии и мифологии. Вторая фигура — профессор В. В. Павлов (1898–1972), заведующий отделом Древнего мира ГМИИ им. А. С. Пушкина, в течение полувека читавший курсы по искусству Древнего Востока, Древнего Египта и др. в МГУ им. М. В. Ломоносова. Третья — Н. А. Померанцева (1933–2014), профессор МГАХИ им. В. И. Сурикова, одним из ключевых направлений научной деятельности которой было исследование канона в египетском искусстве. Несмотря на порой существенные различия в оценке отдельных явлений, этих авторов объединяло блестящее знание памятников, а также исторических и социальных предпосылок их возникновения, позволившее им мастерски систематизировать в своих работах доступный в то время материал. Так появились «Искусство Древнего Египта» М. Э. Матье², одноименная монография В. В. Павлова³ и раздел о Египте в «Малой истории искусств», написанный Н. А. Померанцевой⁴. Надо сказать, что в последние годы из печати периодически выходят новые книги, относящиеся к этой теме. Однако их содержание, как правило, находится на низком уровне. Единственное условное исключение — два тома по искусству Древнего Египта, написанные заведующим кафедрой истории и теории архитектуры Санкт-Петербургской академии художеств им. И. Е. Репина А. Л. Пуниным (1932–2020)⁵. Несмотря на безусловно высокий уровень профессиональных знаний Андрея Львовича, известного специалиста по санкт-петербургской архитектуре XIX в., к египтологии он отношения не имел, что, естественно, отразилось на качестве упомянутой работы.

Рецензируемое учебное пособие включает в себя «Введение», три главы основной части и «Заключение». Первые вопросы по содержанию возникают уже при чтении «Введения». Так, в той его части, которая в рабочих программах дисциплин обычно именуется пояснительной запиской, автор пишет: «Задачи дисциплины: дать представление об основных этапах развития государств Древнего Египта» (с. 5). Такая формулировка не дает возможности понять, что имеет в виду В. А. Рябцева: историю объединенного Египта или историю государственных образований, существовавших на территории долины Нила в додинастическое время и переходные периоды. К сожалению, как будет видно далее, автор часто допускает подобного рода двусмысленности, способные сбить читателя с толку.

Первая глава называется «Становление египетской цивилизации и государственности: роль религии и мифологии в развитии художественной культуры Древнего Египта». Как следует из названия, эта часть пособия посвящена образованию египетского государства, формированию религиозных представлений и художественных традиций

² Матье 1961.

³ Павлов 1962.

⁴ Померанцева 1976.

⁵ Пунин 2008; 2010.

населения нильской долины. Изложение материала начинается с параграфа о природных условиях Египта и их влиянии на закономерности его экономического развития. Так, автор пишет: «...В стране уже с самых древних времен существовал единый рынок, происходило общение народа и культур» (с. 7). Здесь присутствуют две ошибки — смысловая (содержательная) и логическая. Дело в том, что под единым рынком в экономике принято понимать разновидность торгового блока, как правило между государствами, внутри которого борются две тенденции — к расширению рынка, т. е. преодолению существующих границ, и к укреплению этих границ и усилению регламентированности всех процессов⁶. Соответственно, говорить о едином рынке в Египте на заре его истории не представляется возможным. Логическая же ошибка состоит в том, что автор привязывает культурные процессы к экономическим, а это отнюдь не всегда правомерно. Например, в 1980–1990-е гг. мировой рынок заполнили дешевые товары из Китая, что вовсе не свидетельствует напрямую о культурном обмене между Поднебесной и странами, в которые она отправляла свою продукцию.

Некоторые формулировки и термины, которые использует В. А. Рябцева, характерны для середины XX в., однако довольно редко употребляются в современной профессиональной среде. Например, знаменитый бюст царицы Нефертити, подробно описанный в третьей главе, назван «портретной головой» (с. 10). Тут же автор приводит распространенное, но ошибочное мнение об отсутствии железной руды в Египте (с. 10). Известно, что залежи железной руды есть на Синае, в районе Асуана и в Восточной пустыне⁷. Другое дело, что они, по-видимому, не разрабатывались как минимум до Позднего периода или даже до греко-римского времени⁸. Приведенное далее описание климатогеографических условий в Египте в целом верно.

Следующий подраздел первой главы посвящен истории. К сожалению, в нем содержатся достаточно серьезные неточности и ничем не подкрепленные суждения. Например, В. А. Рябцева пишет: «На протяжении многовековой истории Древнего Египта фараоны вели в основном не оборонительные, а наступательные войны, совершая походы на восток...» (с. 11). Это более чем спорное утверждение. Еще К. фон Клаузевиц, один из наиболее видных теоретиков военной мысли, в первой и шестой частях своего трактата «О войне» указывал на то, что термины «оборонительная» и «наступательная» правильнее относить не к войнам, а к планам операций⁹. В зависимости от развития событий наступление может превратиться в оборону, и наоборот. Например, война Рамсеса II с хеттами начиналась с проведения египтянами наступательных операций, однако затем последовал длительный период обороны, в ходе которой армия фараона иногда переходила к контрнаступлениям, не слишком, впрочем, успешным. Позднее, при Мернептахе и Рамсесе III, противостояние «народам моря» характеризовалось преимущественно оборонительными операциями. В свете сказанного вернее было бы заключить, что египтяне отправлялись в военные походы за пределы страны — чтобы расширить зону влияния, усмирить взбунтовавшихся вассалов или просто ради грабежа. Однако в равной мере они проводили оборонительные операции, защищая Египет от вторжения чужеземцев.

⁶ Кондрагьева 2020: 12–14.

⁷ Oliver, Fagan 1975: 6.

⁸ Реунов 2019: 23.

⁹ Клаузевиц 1934.

Еще одно ошибочное утверждение, создающее искаженное представление о внешних угрозах Египту, относится к оценке его южного соседа. «...Одним из главных направлений военной стратегии фараонов было южное, так как находившаяся выше по течению Нила страна Нубия обладала большими природными богатствами — золотом, слоновой костью, драгоценными породами дерева. И военные походы в Нубию дали правителям Египта большие богатства» (с. 11). Походы в Нубию были, разумеется, важны, однако по значимости они не шли ни в какое сравнение с противостоянием крупнейшим державам Ближнего Востока¹⁰. Как письменные документы, так и изобразительные источники однозначно указывают на приоритет восточного направления в египетской внешней политике в эпоху Нового царства. Именно там располагались центры развития технологий, наиболее богатые города, и именно оттуда исходила основная угроза Египту. Даже в нубийских храмах, таких как Бейт-эль-Вали, явно преобладают сюжеты, связанные с войнами на востоке, но отнюдь не на юге¹¹.

Недостаточно глубокое знание истории и логики протекания исторических процессов иногда приводит автора к парадоксальным выводам. Например: «В результате объединения Египет распался на несколько десятков отдельных областей» (с. 14). Или еще: «В силу природных условий номы — древнейшие государственные образования — стремились к объединению, вследствие чего появились более крупные царства». Едва ли какой-то правитель желал слияния своего нома с другим, если только сам он не становился при этом во главе объединенной территории. Поэтому вернее было бы говорить о том, что правители номов стремились к расширению границ своих владений в рамках конкурентной борьбы за ресурсы. Или еще одно вызывающее недоумение утверждение: «Точное летоисчисление древнеегипетской истории также невозможно за недостаточностью данных» (с. 15). Этот тезис был вполне актуален для раннего этапа изучения истории Древнего Египта, однако затем исследователи значительно продвинулись в данном вопросе, добились большей ясности. В отношении датировок основных событий Позднего и греко-римского периодов у специалистов практически нет сомнений.

И далее: «Неизвестно, сколько времени продолжался ранний период в истории Египта...» (с. 15). Не вполне ясно, что В. А. Рябцева имеет в виду под «ранним периодом». Если речь идет об эпохе Раннего царства, то ее хронологические рамки, пусть и не бесспорные, известны. Если же автор имеет в виду этап развития культуры, то необходимо было указать критерии, качественные и количественные признаки, отличающие один этап от другого.

Историческая наука, как и любая другая, использует строгий терминологический аппарат, в наибольшей мере подходящий для решения ее специфических задач. Его применение становится необходимым, когда описываются важнейшие события, связанные, например, с политогенезом. В противном случае можно попасть в неловкую ситуацию. Так, автор пишет: «Объединение Верхнего и Нижнего царств было революционным по своему значению в истории Древнего Египта» (с. 14). При такой характеристике создается впечатление, что объединение страны стало событием неожиданным и про-

¹⁰ Белова 1988.

¹¹ Реунов 2020.

твоестественным, противоречащим логике развития исторических процессов. Между тем известно, что политогенез в Египте протекал последовательно и в соответствии с классическими теориями появления первых государств¹². Поэтому уместнее говорить об эволюции, а не революции.

Расплывчатые и многозначные формулировки иногда приводят В. А. Рябцеву к комичным заключениям. Например: «...В личности царя соединялись два властителя — верхнеегипетский и нижнеегипетский» (с. 14). По-видимому, речь идет не о личности, а о традиционной титулатуре — «царь Верхнего и Нижнего Египта».

Следующие два подраздела первой главы посвящены развитию религиозных представлений. Автор излагает в этой части пособия сведения общего характера. Однако и здесь не обошлось без курьезов. Так, на рисунке 2 (с. 20) показана не оригинальная древняя скульптура Сохмет, а современная интерпретация образа этой богини, выполненная в духе популярной культуры. Та же судьба постигла Маат, изображение которой позаимствовано с современного папируса, где она к тому же предстает с искаженными пропорциями (с. 21).

Нечеткие формулировки и стремление смешать в одном утверждении явления разной природы и свойств приводят к тому, что читатель зачастую оказывается в недоумении. «Искусство, а особенно архитектура Древнего Египта, их идеологическое наполнение и смысл всецело определялись религией» (с. 15). Ошибочность этого суждения происходит из недостаточного знания памятников и неверного понимания логики развития египетского искусства. Еще М. Э. Матье указывала на то, что в Египте не существовало искусства ради искусства и египетские мастера руководствовались прежде всего соображениями функциональности. Приписывать всей египетской архитектуре глубокий сакральный смысл неверно. Если же имелась в виду храмовая архитектура, то можно признать: она действительно должна была обеспечить жрецов возможностью совершать богослужения, однако храмы выполняли и административные функции, а в их хранилищах могли размещать запасы пищи.

Нелогичность некоторых выводов В. А. Рябцевой прослеживается и в других посвященных архитектуре фрагментах текста. «Истинный смысл сооружения пирамид можно понять исходя из представления, лежавшего в основе религии египтян: человек после кончины продолжает свой жизненный путь в царстве бессмертия» (с. 24). Увы, несмотря на наличие серьезных исследований, посвященных пирамидам, беспорные выводы о причинах и технике их возведения делать еще рано.

Рассказывая о космогонических системах, которые складывались в крупных храмовых центрах, автор пишет: «...Жрецам, несмотря на все их ухищрения, не удавалось связать воедино локальные космогонии в единую стройную систему» (с. 24). Справедливости ради следует заметить, что такая цель, вероятно, никогда и не ставилась. Египтяне, как и их соседи, жившие на территории Ближнего Востока в древности, были носителями преимущественно дивергентного типа мышления (по Д. Гилфорду). Поэтому одно и то же явление раскрывалось в разных мифах, что воспринималось естественно и непротиворечиво. Конвергентный способ мышления в области религиозной культуры

¹² Гринин 2019.

получил в Египте системное развитие только в эпоху эллинизма. По-видимому, это было связано с распространением приемов и принципов формальной логики, которые можно наблюдать уже в трудах Филона Александрийского и позднее у представителей александрийской школы.

В завершение рассмотрения первой главы можно сделать следующие выводы. В. А. Рябцева на достаточно высоком уровне описала климатогеографические условия, определившие характер, отличительные черты египетской культуры и специфику политогеогеографии. Из текста следует, однако, что автор не различает понятия «государство», «цивилизация» и «культура», считая их синонимами, а в отношении Древнего Египта это неверно уже хотя бы потому, что, согласно археологическим источникам, устойчивые формы трансляции культурного опыта развились задолго до возникновения протогосударственных образований. Далее, чересчур упрощенно и с большой долей допущений объяснена роль общины в хозяйственной жизни страны. Последние исследования, проводимые отечественными специалистами¹³, показывают, что традиционные для советской историографии позиции, которых придерживается В. А. Рябцева, заслуживают серьезного пересмотра.

Вторая глава учебного пособия посвящена художественным и эстетическим особенностям культуры Древнего Египта. В этой части работы освещен путь развития египетского искусства от додинастического времени до конца эпохи Нового царства.

В отношении додинастического периода автор пишет: «Египет распался тогда на несколько десятков отдельных областей...» (с. 34). С этим утверждением трудно согласиться, ведь для того чтобы распасться, нужно сперва объединиться.

Части пособия, посвященные искусству разных периодов, автор начинает с традиционных для советской историографии тезисов о классовой борьбе. В. А. Рябцева с большой настойчивостью указывает на значение противостояния между рабовладельческой аристократией и земледельческой общиной, видя в этом главные факторы, оказавшие влияние на развитие культуры и искусства в Древнем Египте. Например, в отношении пирамид Древнего царства она отмечает: «Лишь путем крайнего напряжения сил рабов и свободных земледельцев-общинников можно было построить столь гигантские сооружения» (с. 44). Никаких подтверждений этого, однако, не приводится, исходя из чего у студентов, которым предназначено пособие, может сложиться впечатление о самоочевидности данного тезиса.

Характерные стилистические признаки, составляющие каноническую основу искусства Раннего царства, обозначены на примере находок из погребений. Особое внимание справедливо уделено палеткам. Памятники Древнего царства рассмотрены более обстоятельно. Впрочем, здесь также встречаются ошибки. Например, пирамиде Джосера в Саккаре автор приписывает семь ступеней (с. 45), тогда как в действительности их шесть. Поиск новых конструктивных решений при возведении царских усыпальниц при царе Снофру оказался освещен автором всего в одном предложении и без конкретики. Зато описание ансамбля пирамид на плато Гиза выглядит удачно.

Естественно, при описании произведений египетских мастеров нельзя не коснуться такого важнейшего явления, как канон в искусстве. В отношении скульптуры

¹³ Орехов 2017.

В. А. Рябцева пишет: «Тормозящая роль канона мешала художникам преодолевать установившийся подход к передаче образа человека, вынуждая неизменно сохранять скованность поз, бесстрастное спокойствие лиц, подчеркнуто крепкую и сильную мускулатуру мощных тел» (с. 62). В такой оценке роли канона автор явно следует подходу М. Э. Матье, видевшей в этом явлении преимущественно препятствие для развития искусства. Действительно, канонические правила могли сдерживать одаренного художника в воплощении творческого замысла. Однако у канона есть и обратная сторона, не менее важная, чем упомянутая: он содержал в себе художественные приемы и принципы, инструменты, позволявшие даже бесталанному ремесленнику создать привлекательное произведение, не вызывающее у зрителя эстетического отторжения. Как подчеркивала на своих лекциях и в публикациях Н. А. Померанцева, система канонических принципов давала египетскому мастеру возможность создавать монументальные произведения даже в случае, когда он был ограничен в опыте, уровне развития навыков, выборе материалов и рабочих инструментов. Более того, канонические принципы менялись со временем. Так, подчеркнутая тяжеловесность и статика скульптур эпохи Древнего царства контрастируют с изяществом и грацией, свойственными произведениям периода Амарны, а простые, лаконичные рельефы на стенах частных гробниц эпохи Древнего царства сильно отличаются от динамичных и демонстрирующих сложную композицию росписей, сохранившихся, например, на некрополе Фив.

Характеризуя искусство эпохи Среднего царства, В. А. Рябцева отмечает: «В целом в эпоху Среднего царства искусство Египта, используя наследие прошлого, сделало новый шаг вперед в своем развитии в сторону реализма и человечности» (с. 78). Из этого может сложиться впечатление, будто памятники предшествующего Среднему царству времени были нереалистичны и лишены обаяния, что неверно. Скорее речь идет о том, что живопись в эпоху Среднего царства обогатилась новыми сюжетами, усложнилось композиционное решение сцен. В скульптуре налицо развитие техники обработки камня: детализация лиц правителей никогда прежде не была настолько подробной. В качестве примера можно привести выставленную в египетском зале ГМИИ им. А. С. Пушкина верхнюю часть статуи Аменхета III. Развивалась также пластика малых форм, представленная статуэтками небольшого размера, в числе которых знаменитые скульптурные модели гребцов на лодках, крупного рогатого скота, ремесленных мастерских и т. д.

Очередность описания памятников эпохи Нового царства представляется не вполне логичной. Так, сначала автор рассказывает о воздвигнутом в правление XIX династии храме Абу-Симбела с колоссальными статуями Рамсеса II, а затем о более раннем памятнике XVIII династии — храме царицы Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри (с. 81). Далее В. А. Рябцева утверждает: «В это время появляется новый вид захоронения — скальный» (с. 90). Это ошибка, ибо скальные захоронения возникли значительно раньше. Яркий пример более древних захоронений этого типа можно наблюдать на некрополе Бени-Хасан, самые старые из них датируются концом Древнего царства.

Говоря об эпохе Амарны, автор пишет: «Наследием Амарны является постоянное внимание к пейзажу» (с. 91). С этим утверждением тоже трудно согласиться. Элементы пейзажного фона были неотъемлемой частью росписей гробниц начиная с эпохи Древнего царства. Пример тому — знаменитые медумские гуси из гробницы принца Нефермаата.

В целом, несмотря на то что во второй главе пособия описание памятников явно преобладает над их анализом, а оценки различным художественным явлениям зачастую даны субъективно, именно ее можно назвать самой удачной. Эта глава в наибольшей степени соответствует заявленной теме работы и содержит меньше фактических ошибок, чем другие.

Третья глава называется «Религиозные преобразования в Древнем Египте и их влияние на искусство». Этот раздел посвящен в основном реформе Эхнатона и возникновению амарнского стиля. Завершается он характеристикой искусства I тыс. до н. э.

Описывая амарнский стиль, В. А. Рябцева пишет: «Реформа Эхнатона привела к поразительному для того времени взлету искусства. Вместо плоских безжизненных рельефов появились новые изображения с изысканными формами, более приближенные к реальности» (с. 102). Если подходить к этому вопросу объективно, то не выйдет оценивать искусство эпохи Амарны как безусловный «взлет». Разумеется, канонические требования к работе мастеров стали менее жесткими, что привело к разработке и внедрению новых композиционных решений, возникновению в живописи новых типов сцен. Существенно изменилась моделировка фигур: персонажей начали изображать в более раскрепощенных позах. И всё же основные канонические принципы остались, в сущности, неизменны. Более того, подчеркнутая дисгармоничность в пропорциях фигур самого Эхнатона, а также членов его семьи противоречила базовому для египетской эстетики правилу соразмерности. Что касается «плоских безжизненных рельефов», то с этой характеристикой совершенно нельзя согласиться. По количеству запечатленных подробностей, искренности и непосредственности в передаче персонажей росписи гробниц упомянутого выше некрополя Бени-Хасан, относящиеся к Первому переходному периоду, представляются куда более реалистичными, чем произведения амарнского искусства. Чего стоят одни только сцены борьбы, игры в мяч, приема иноземцев, псовой охоты или изображение охотящегося в речных зарослях дикого кота из гробниц Хнумхотепа II, Бакета III и др.

Говоря о найденном Л. Борхардтом знаменитом бюсте Нефертити, ныне находящемся в собрании Нового музея в Берлине, автор называет корону на голове царицы синим париком (с. 105). Впервые такое описание дал сам Л. Борхардт, однако современные специалисты сходятся на том, что это все-таки головной убор. Далее В. А. Рябцева указывает на отсутствие следов клея на месте зрачка в левом глазу. Это тоже заключение самого Л. Борхардта; более поздние исследования наличие следов клея подтвердили. Таким образом, бюст представлял собой скорее культовый предмет, нежели скульптурную модель.

Описывая содержание религиозной реформы Эхнатона и воздействие, которое она оказала на искусство, В. А. Рябцева пишет: «Следовательно, религиозные преобразования в Древнем Египте, которые привели к значительным изменениям в изобразительном искусстве, выражаются в обращении, в первую очередь, к реалистичности. Эти процессы произошли в результате реформы Эхнатона, направленной на формирование монотеизма» (с. 118). Строго говоря, наука не располагает доказательствами того, что Эхнатон стремился «сформировать монотеизм». Угасание традиционных культов в его правление могло быть следствием не столько намеренных действий царя, которые привели к забвению прежних богов, сколько глобального перераспределения экономических ресурсов, направленных теперь главным образом на поддержку культа

Атона¹⁴. Еще одно существенное обстоятельство, которое необходимо учитывать, характеризуя религиозную реформу Эхнатона, состоит, по мнению Я. Ассмана, в том, что переход к монотеизму заключается не в переменах в культе, ритуальной практике, а в зарождении новых представлений о природе божественного¹⁵. Таким образом, утверждение о переходе к монотеизму в эпоху Амарны без должной доказательной базы выглядит спекулятивным.

В завершение третьей главы автор приводит короткую справку о египетском искусстве I тыс. до н. э. Общие тенденции к архаизации, по мнению В. А. Рябцевой, обесценили достижения эпохи Амарны и породили схематизм и стандартизацию в работе мастеров. С этим можно отчасти согласиться, но с известными оговорками. Так, например, нельзя игнорировать этап в развитии искусства, пришедшийся на правление XXVI династии, — так называемый Саисский ренессанс. В рамках этого явления достижения искусства Нового царства соединились с реминисценциями искусства эпохи III–VI династий, породив удивительные по красоте произведения. Ошибкой было бы также не сказать и об интенсивном развитии производства керамики, которая демонстрировала большую вариативность форм и типов. Во многом это было связано с привнесением иноземных традиций в быт и культуру египтян¹⁶.

Подводя итог характеристике третьей главы, можно заметить, что решение объединить в одной части учебного пособия религиозную реформу Эхнатона, амарнский стиль и развитие искусства в I тыс. до н. э. видится не вполне оправданным. Куда уместнее было бы рассматривать религиозные преобразования в эпоху Амарны отдельно, внутри исторической части пособия, а амарнский стиль — как неотъемлемую часть искусства Нового царства. Так же можно заметить, что регулярно повторяющийся тезис о «реалистичности амарнского искусства» в сравнении с искусством других периодов выглядит совершенно не убедительно. Это напоминает клише, за которым не стоит необходимая в таком случае доказательная база. Наконец, реформа Эхнатона представляет собой явление, в отношении многих аспектов которого специалисты до сих пор не пришли к единому мнению.

В коротком заключении В. А. Рябцева подводит итоги, повторяя основные выводы из глав. Здесь, к сожалению, имеются серьезные ошибки, которых не должно быть в специализированном учебном пособии. Так, В. А. Рябцева пишет: «За три тысячелетия существования Древнего Египта сложилась величественная и самобытная культура» (с. 120). Таким образом автор игнорирует доисторический этап развития египетской культуры, который во многом и определил ее характерные черты и узнаваемый облик. Более того, дописьменный период в истории и культуре Египта, представленный в настоящем пособии лишь в самых общих чертах, заслуживает куда более пристального внимания: иначе не может сложиться верного понимания динамики полито- и культурогенеза.

С рядом тезисов из заключения никак нельзя согласиться. Например, В. А. Рябцева пишет: «Замедленный характер развития древнеегипетского общества породил застойность религиозных представлений, канонизацию художественных образов» (с. 121).

¹⁴ Hoffmeier 2015: 197.

¹⁵ Assmann 2014: 48.

¹⁶ Ярмолович 2020.

Это безусловно ошибочное утверждение. Во-первых, консервативные тенденции в общественных отношениях отнюдь не являются необходимой предпосылкой для консерватизма в религиозной сфере. В подтверждение этого уместно привести в пример религиозную культуру Японии. В конце V — VI в. японское общество, известное своим консерватизмом и стойкостью к переменам, органично восприняло пришедшие с материка конфуцианство и буддизм. Спустя некоторое время возникли уникальные местные школы, в доктринах которых был оригинально переработан ряд изначально свойственных этим религиозно-философским системам концепций. Через тысячу лет на японских островах распространились христианские идеи, которые также были отчасти переосмыслены. Во-вторых, анализ развития искусства показывает, что канонизация художественных приемов, иконографических принципов и применяемых технических средств, образующих египетский стиль в искусстве, была следствием стремления египетских мастеров сохранить свои наиболее ценные достижения.

Подводя итог, необходимо заметить следующее. Специфика египтологии как науки состоит в полидисциплинарном подходе к исследованию находящихся в ее предметной области проблем. Невозможно изучать историю Египта в отрыве от его экономики, религию — от социальных процессов, а культуру и искусство — от всего перечисленного. Именно комплексный подход к подготовке специалистов обеспечивает тот уникальный набор знаний и навыков, который позволяет египтологу профессионально решать стоящие перед ним задачи. К сожалению, автор рецензируемого учебного пособия не сумела показать высокий уровень таких знаний. Возможно, это связано с тем, что В. А. Рябцева специализировалась на русской музыкальной культуре, в том числе на песнопениях старообрядцев Западной Сибири, и искусство Древнего Египта никогда не входило в область ее профессиональных интересов. Этим можно объяснить как свободное обращение с терминологией, так и некоторую небрежность в написании имен собственных. Например, выдающийся археолог, обнаруживший в мастерской скульптора Тутмоса в Ахетатоне бюст царицы Нефертити, именуется то «Иоганном Людвигом Буркхардтом, швейцарским историком» (с. 81), то «немецким египтологом Л. Борхардтом» (с. 104). Та же судьба постигла исторических персонажей, а также богов, имена которых написаны разными способами — Хатхор (с. 22) и Гатор (с. 84) и т. д.

Особо следует подчеркнуть приверженность автора к марксистско-ленинскому подходу в описании социальных и экономических отношений в Древнем Египте. Едва ли не каждый подраздел в пособии, вне зависимости от его тематики, начинается с утверждений об эксплуатации населения, борьбе рабов с угнетателями и т. д. «Монументальное строительство, храмовое и гробничное, связанное с жесткой эксплуатацией населения страны, не коснувшейся только знати, роскошь господствующих классов, деспотизм фараонов вызвали восстание крестьян и рабов» (с. 70). Такие вставки были вынужденной мерой, обязательным требованием советской историографической традиции, однако сегодня очевидно, что они не только морально устарели, но и бездоказательны.

Список использованной литературы также вызывает вопросы. Во-первых, в нем встречаются откровенно ненаучные издания, например «Секреты пирамид. Созвездие Ориона и фараоны Египта» Р. Бьювэла и Э. Джилберта. Во-вторых, в нем присутствуют научные издания, в том числе разнообразные исследования, посвященные шумерам и хеттам, никак не использованные при подготовке пособия, что становится очевидно

при его пристальном изучении. В-третьих, в списке литературы указаны современные художественные произведения, содержание которых никак не связано с рецензируемым учебным пособием по искусству. Фактически при подготовке искусствоведческой части своей работы В. А. Рябцева использовала преимущественно монографию упомянутого выше А. Л. Пунина, иногда добавляя к позаимствованным отсюда описаниям оценки и выводы М. Э. Матье. В том, что касается истории и социальных отношений, она прибегала к работам отечественных востоковедов 1940–1950-х гг.

Работа В. А. Рябцевой во многом напоминает лоскутное одеяло, собранное без должного понимания того, насколько один его фрагмент подходит к другим. Это тем более досадно, если учесть, что предшественники автора еще полвека назад выпустили действительно достойные, глубокие по содержанию и грамотно составленные по структуре труды. Можно было взять из них лучшее, дополнить результатами последних открытий, логично выстроить структуру изложения материала, и тогда вышло бы прекрасное учебное пособие. В настоящем виде книга В. А. Рябцевой едва ли сформирует у учащихся верное представление о культуре и искусстве Древнего Египта.

Библиография

- Белова 1988** Белова Г. А., Египтяне в Нубии (III–II тысячелетия до н. э.) (Москва, 1988).
- Гринин 2019** Гринин Л. Е., Проблемы формирования ранних государств и политических институтов. Ранние государства и их аналоги // Политогенез и историческая динамика политических институтов: от локальной потестарности к глобальной мир-системе / под ред. Гринина Л. Е. (Москва, 2019): 119–142.
- Клаузевиц 1934** Клаузевиц К., О войне (Москва, 1934).
- Кондратьева 2020** Кондратьева Н. Б., Европейская модель интеграции рынков. Становление и перспектива (Москва, 2020).
- Матье 1961** Матье М. Э., Искусство древнего Египта (Москва — Ленинград, 1961).
- Орехов 2017** Орехов Р. А., Ранний Мемфис: к вопросу о терминах // Культура Египта и стран Средиземноморья в древности и Средневековье — 2. Сборник статей памяти Т. Н. Савельевой / под ред. Беловой Г. А., Иванова С. В., Толмачевой Е. Г. (Москва, 2017): 43–57.
- Павлов 1962** Павлов В. В., Искусство Древнего Египта (Москва, 1962).
- Померанцева 1976** Афанасьева В. К., Луконин В. Г., Померанцева Н. А., Искусство Древнего Востока (Москва, 1976).
- Пунин 2008** Пунин А. Л., Искусство Древнего Египта. Раннее царство. Древнее царство (Санкт-Петербург, 2008).
- Пунин 2010** Пунин А. Л., Искусство Древнего Египта. Среднее царство. Новое царство (Санкт-Петербург, 2010).
- Реунов 2019** Реунов Ю. С., Оружие Древнего Египта: боевое и сакральное. Часть 1 // Археология 34(2) (2019): 18–31. DOI: 10.28995/2227-6165-2019-2-18-31.
- Реунов 2020** Реунов Ю. С., Иконография батальных сцен в храме Бейт-эль-Вали // Египет и сопредельные страны 2 (2020): 77–94. DOI: 10.24412/2686-9276-2020-2-7794.
- Рябцева 2018** Рябцева В. А., Искусство Древнего Востока (Древний Египет): учебное пособие для обучающихся по направлению подготовки 50.03.04 «Теория и история искусств», профиль «Искусствоведение», квалификация (степень) выпускника «бакалавр» (Кемерово, 2018).

- Ярмолович 2020** Ярмолович В. И., Гончарный круг в Египте второй половины 1-го тысячелетия до н. э.: иноземное влияние или технический прогресс? // Восток 6 (2020): 18–31. DOI: 10.31857/S086919080012655-7.
- Assmann 2014** Assmann J., From Akhenaten to Moses. Ancient Egypt and religious change (Cairo, 2014).
- Hoffmeier 2015** Hoffmeier J. K., Akhenaten and the origins of monotheism (Oxford, 2015).
- Oliver, Fagan 1975** Oliver R., Fagan B. M., Africa in the Iron Age: c. 500 B. C. to A. D. 1400 (Cambridge, 1975).

Ссылка для цитирования / reference:

Реунов Ю. С. [Рецензия] // Египет и сопредельные страны 2 (2021): 78–89. — Рец. на кн.: Рябцева. В. А. Искусство Древнего Востока (Древний Египет): учебное пособие. Кемерово: Кемеровский государственный институт культуры, 2018. 138 с.

Reunov Yu. S. [Review; in Russian] // Egypt and neighbouring countries 2 (2021): 78–89. — Rev. of: Riabtseva S. V. Art of the Ancient East (Ancient Egypt): a textbook [in Russian]. Kemerovo: Kemerovo State University of Culture and Arts, 2018. 138 p.